

УДК [1:316]:94(470+571)"18"

doi: 10.17072/2219-3111-2016-4-44-52

ИНСТРУМЕНТАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СВОБОДА» В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА¹

Д. В. Тимофеев

Институт истории и археологии УрО РАН, 620990, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16
dmitrtim@yandex.ru

Представлена модель изучения истории общественной мысли России в конце XVIII – первой четверти XIX в. с использованием методологических оснований «истории понятий». В ходе сравнительно-контекстуального анализа текстов, созданных в процессе публичной (учебные пособия, справочные издания, законодательные акты) и непубличной (частные проекты и прошения) коммуникации, выявлены особенности понимания российскими подданными ключевого для истории общественной мысли России понятия «свобода».

Ключевые слова: история понятий, история общественной мысли, гражданские права, Россия первой четверти XIX в., проблемно-сопоставительный анализ, сравнительно-контекстуальный анализ, понятие «свобода».

В современной историографии по истории общественной мысли России XIX в. одним из вопросов, который признается ключевым для понимания процесса восприятия различных политических идеологий, социально-экономических идей и обоснования необходимости совершения историческими персонажами разнообразных действий, является адекватное понимание языка исторического источника. Интерпретационная активность субъектов исторического процесса, их способность по-разному трактовать значения ключевых социально-политических понятий как в процессе публичных дискуссий о прошлом, настоящем и будущем, так и в повседневной межличностной коммуникации заставляют исследователя обратить внимание на проблему многозначности одних и тех же понятий. Эта многозначность особенно заметна при сопоставлении трактовок ключевых социально-политических понятий в текстах, созданных представителями различных социальных групп. В зависимости от целей написания и наличия привычных контекстов употребления в ближайшем социальном окружении авторы текстов могли реинтерпретировать значения основных социально-политических понятий, с помощью которых современники обозначали не предметы и объекты материального мира, а достаточно абстрактные, но, безусловно, связанные с окружающей реальностью явления, структуры, качества отдельных индивидов и определенной социальной общности.

В России первой четверти XIX в. такими понятиями были понятия «свобода», «собственность», «государство», «просвещение», «рабство», «конституция» и т.п. Все они активно использовались для выражения отношения к власти, осознания системы внутрисловных и межсловных отношений, обоснования проведения различных преобразований или, напротив, для отрицания необходимости изменений в экономической, политической и духовной сферах. В каждом конкретном случае автор текста вне зависимости от целей его написания не изобретал новых понятий, а неизбежно должен был апеллировать к уже известным или корректировать их в необходимом для него контексте. Именно поэтому история общественной мысли не может быть сведена к отдельным высказываниям известных мыслителей, государственных или партийных деятелей, а представляет собой эволюцию совокупности индивидуальных представлений, отраженных во множестве текстов различного функционального назначения. Все сказанное обуславливает необходимость обращения к методологическим установкам «истории понятий», провозглашающей, что адекватное познание истории общественного сознания возможно только в том случае, если исследователь понимает язык прошлого.

В современной зарубежной историографии «истории понятий» сложилось два основных направления: немецкая школа истории понятий – «Begriffsgeschichte» и англосаксонская – «History of Concepts». Идеиные основы первой были сформулированы в ряде теоретических работ немецкого историка Р. Козеллека [Козеллек, 2006, 2010, 2014]. Реконструируя процесс возникновения и изменения понятий в широком социокультурном контексте, представители этого направления стре-

мились «рассмотреть процесс исчезновения старого мира и возникновение современного через призму истории его осмысления в категориях определенных понятий» [Козеллек, 2014, с. 24]. В англосаксонской школе «истории понятий» язык исследуется как средство формирования и выражения общественного сознания в тесной взаимосвязи с практическими действиями людей, мотивы совершения и результаты которых были зафиксированы в словесно-письменной форме. По мнению ведущих теоретиков этого направления, язык следует рассматривать одновременно и как средство коммуникации, и как целенаправленное политическое действие [Skinner, 1989; Скиннер, 2004]. Таким образом, основным предметом «History of Concepts» являются не столько собственно значения отдельных понятий, сколько способ их использования в тесной взаимосвязи с различными нормативно-ценностными и политическими установками.

Признание «истории понятий» в качестве важного инструмента исследования разнообразных проявлений общественного сознания произошло и в российской историографии, о чем свидетельствуют многочисленные научные конференции и сборники статей, посвященные данной проблематике [Понятие государства..., 2002; Исторические понятия и политические идеи в России..., 2006; Очерки исторической семантики..., 2009; Эволюция понятий..., 2012; «Понятия о России»..., 2012]. Применительно к истории общественной мысли концентрирование внимания на особенностях использования основных социально-политических понятий означает нацеленность на изучение содержания разнообразных дискурсивных практик, зафиксированных в текстах исторических источников. При таком подходе «история понятий» может восприниматься не в качестве самостоятельного предмета изучения, а как особый метод работы с историческими источниками, позволяющий исследовать эволюцию общественного сознания и связанные с ней изменения в политической, социально-экономической и духовной сферах.

В рамках конкретно-исторического изучения решение данной задачи возможно посредством сопоставления различных значений и контекстов употребления основных социально-политических понятий в публичном и непубличном пространстве. С учетом всего изложенного источниковая основа исследований по истории общественной мысли должна включать в себя 1) тексты, созданные в процессе публичной коммуникации для широкого круга читателей, такие как законодательные акты, учебные пособия, материалы периодической печати, словари. Источники этой группы позволяют, с одной стороны, выявить язык существовавших запретов при формировании властными структурами желательных стандартов поведения людей, а с другой – реконструировать особенности осмысления образованной частью российского общества актуальных социально-политических и экономических проблем; 2) непубличные тексты, созданные для достижения частных или общественно-значимых целей, но предназначенные не широкому кругу читателей, а конкретным адресатам: личные письма, проекты и докладные записки, прошения, жалобы и иные документы.

Применяя сравнительно-контекстуальный и проблемно-сопоставительный методы в работе с комплексом текстов публичной и непубличной коммуникации, важно выяснить, каким образом происходила инструментализация основных социально-политических понятий в процессе осмысления теоретических моделей общественного устройства и достижения сугубо утилитарных целей. В данной статье представлены результаты сопоставления основных и дополнительных коннотаций понятия «свобода», используемых российскими авторами первой трети XIX в. при решении актуальных вопросов внутри- и межсловных взаимодействий.

Концепт «свобода» в публичном дискурсе: идеалы и юридическая регламентация

В качестве источников, которые отражают основные и дополнительные коннотации понятия «свобода» в пространстве публичной коммуникации России в первой четверти XIX в., в статье сопоставляются учебные пособия для гимназий и университетов, справочно-публицистические издания, а также ряд законодательных актов, регламентирующих порядок перемещения индивида из одной социальной группы в другую.

В учебно-справочной литературе читателю предлагалось несколько базовых тезисов о сущности и границах личной свободы индивида. На теоретическом уровне размышления авторов предварялись упоминанием о «естественной свободе» человека как биологического вида, обладающего сознанием и волей. Так, В. Г. Кукольник в книге «Российское частное гражданское право» писал: «Человек, как чувственно разумное существо, состоит из органического животного тела и души,

одаренной разумом и свободною волею» (*Кукольник*, 1815, с. 21). Подобное сосредоточение внимания на взаимосвязи «свободы» и «разума» неоднократно отмечается в пособиях В. Г. Кукольника, А.П. Куницына, Г. Терлаича и др. В учебнике А. П. Куницына «Право естественное» указанная причинно-следственная связь была сформулирована следующим образом: «поелику человек может располагать своим поведением независимо от внешних впечатлений, то он называется свободным» (*Куницын*, 1818, с. 4).

Следующим за признанием «разумности» человека логическим умозаключением, с помощью которого авторы объясняли возможность «свободы» в обществе, был тезис о необходимости существования морально-этических норм и принципов, ограничивающих поведение «свободной» личности. Так, В. Г. Кукольник писал о недопустимости нарушения «естественной свободы» в процессе достижения целей другими людьми: «... человек... может предполагать себе разные намерения или цели, и действовать к дополнению оных, не нарушая только подобной свободы других людей» (*Кукольник*, 1815, с. 1). Еще более эмоционально противоестественность насильственного ограничения свободы индивида сформулировал А. П. Куницын. По его словам, «кто нарушает свободу другого, тот поступает против его природы, и как природа людей, не смотря на различия их состояния, одинакова, то всякое нападение, чинимое несправедливо на человека, возбуждает в нас негодование» (*Куницын*, 1818, с. 18). В такой трактовке свобода личности предполагала не только разумное самоограничение индивида, но и невозможность распространения «священного права собственности» на человека: «Никто не может приобрести права собственности на другого человека ни противу воли, ни с его согласия; ибо право личности состоит в свободе располагать самим собою, следовательно, произвольное завладение человеком противно праву, согласие же лица не может служить предлогом завладения, ибо право личности неотчуждаемо» (*Куницын*, с. 86).

Несмотря на доминирование в учебных текстах теоретических рассуждений о «естественных правах» и неотчуждаемости «свободы», авторы их достаточно четко разделяли идеальную модель общественного устройства, описание которой было необходимо для понимания учащимися природы человека, и российскую реальность начала XIX в. Существование имущественного и правового неравенства, наличие в России нескольких категорий населения, которые не обладали «совершенной свободой», – все эти особенности социальной организации занимали важное место в разнообразных справочных изданиях по российскому праву. Как правило, такие издания содержали ссылки на действующее российское законодательство и сопровождались достаточно обширными авторскими комментариями, с помощью которых читателей знакомили с историей возникновения действующей правовой нормы.

В книге коллежского асессора В. Вельяминова-Зернова «Опыт начертания российского частного гражданского права» понятие «свобода» – уже не абстрактная категория общей теории «естественного права», а вполне конкретный юридический термин. При этом особо подчеркивалось, что содержание «свободы», ее проявление в повседневной жизни обусловлены принадлежностью человека к определенному «состоянию»². Поясняя юридическое значение понятия «свобода», автор отмечал несколько важных моментов. Во-первых, в России следует разделять два рода «гражданского состояния»: «свободные или вольные, т.е. те, которые не подчинены ничьему господству, и крепостные, т.е. те, которые подлежат власти и господству другого» (*Вельяминов-Зернов*, 1821, с. 45). Во-вторых, принадлежность к свободному состоянию, по мнению автора, означает наличие у индивида ряда гражданских прав. В разделе «О лицах и их правах» он перечислил личные права: «Свободные подданные пользуются всеми выгодами и удобствами, сопряженными с Гражданским состоянием, как то: они могут иметь собственность, наследовать, завещать, вступать во всякие обязательства, избирать такой род жизни или промысел, какой заблагоразсудят» (*Вельяминов-Зернов*, 1821, с. 46). При этом автор, перечислив общие для всех свободных состояний права, особо отметил, что «некоторым позволено иметь и крепостных людей». Таким образом, подчеркивая неравенство в объеме «свободы», он признавал доминирующее положение дворянства и одновременно наличие в России разнородной по своему составу категории «несвободных людей».

Самая многочисленная группа несвободных людей – крепостные крестьяне, положение которых, по словам автора, очевидно уже из наименования данной группы: «название Крепостный происходит от слова крепость, которое означает всякой акт, утверждающий чью-либо собственность» (*Вельяминов-Зернов*, 1821, с. 54). Следовательно, крепостной крестьянин, приобретенный по договору купли-продажи, не только не обладает личной свободой, но и формально «принадлежит в

собственность другому», а его помещик имеет право «отрекаться от господской власти» и «давать своим крепостным людям и крестьянам свободу» (*Вельяминов-Зернов*, 1821, с. 54, 87). Такая логика прослеживается и в отношении двух других категорий «несвободных людей». В главе «О власти господской над крепостными людьми» автор констатирует, что «в России находятся еще особые роды несвободных людей как то: они принадлежат или целому Государству, и называются тогда Государственными крестьянами..., или собственно Особе самого Государя, или Императорской фамилии: в сем случае они получают название удельных» (*Вельяминов-Зернов*, 1821, с. 57).

Следует отметить, что в учебных пособиях разделение на подданных свободных и несвободных преподносилось как исторически сложившийся обычай, который со временем благодаря «просвещению» народа и «благодетельным намерениям верховной власти» может оказаться неактуальным. Своеобразным подтверждением появления тенденции к постепенному расширению прав и свобод для различных, в том числе «несвободных», состояний российского общества был указ от 12 декабря 1801 г., в соответствии с которым лицам недворянского происхождения, включая казенных крестьян, предоставлялось право приобретать ненаселенные земли, а также указ от 20 февраля 1803 г., разрешивший помещикам освобождать крепостных людей с землей за выкуп. На этом фоне даже частичное наделение государственных крестьян правом распоряжения своим имуществом давало некоторым авторам основание использовать понятие «свобода» при описании их юридического положения. Так, в работе К. Арсеньева «Начертание статистики российского государства» утверждалось, что несмотря на то что «казенные крестьяне суть люди не свободные», они «...пользуются совершенною свободою..., могут посредством завещаний или законным порядком снискивать имение, равно как и свое благоприобретенное завещать, дарить, продавать и закладывать» (Начертание статистики..., 1819, с. 76–77). Единственное ограничение их имущественных прав – невозможность купли-продажи земли, так как, по словам К. Арсеньева, «...она есть собственность не их лица, а государства или казны» (Начертание статистики..., 1819, с. 77). Таким образом, в изданиях адресованных всем, кто в силу жизненных обстоятельств обращался к учебной и справочно-публицистической литературе по российскому праву, одновременно существовал теоретический и реалистический контекст употребления понятия «свобода».

Не менее важным источником для реконструкции особенностей трактовки концепта «свобода» в России первой четверти XIX в. является законодательство, регламентировавшее условия перехода российских подданных из одного «состояния в другое»³. В своих указах, манифестах и положениях государство неоднократно заявляло о возможности перемещения человека в социальном пространстве, которая на юридическом языке того времени выражалась словосочетаниями «свобода избирать род жизни» и «свобода перехода в новое состояние». Поскольку изменение сословной или внутрисословной принадлежности сопровождалось изменением сферы деятельности индивида, утратой или приобретением каких-либо дополнительных прав, привилегий и обязательств, практика перехода из одного «состояния» в другое вызывала повышенное внимание верховной власти [Тимофеев, 2014]. Объявляя о возможности подобного рода перемещений в социальном пространстве, государство в текстах нормативно-правовых актов публично транслировало ряд дополнительных коннотаций понятия «свобода».

Анализ текстов указов и манифестов, регламентировавших условия перехода в другое состояние, позволил выявить основные трактовки понятия «свобода», которые российские подданные должны были учитывать при обращении к власти с прошениями о наследовании имущества, расширении права на торговлю или предоставлении «свободы от рабства». В текстах законодательных актов последней трети XVIII – первой четверти XIX в., содержащих понятие «свобода», представлено несколько принципиально важных установок.

Во-первых, в большинстве исследуемых нормативно-правовых актов «свобода» трактовалась как наследственное право или особая привилегия, даруемая верховной властью не только за личные заслуги и отдельным категориям российских подданных. При этом предоставление права на «свободу перехода» какой-либо социальной группе преподносилось как реакция верховной власти на прошения подданных и проявление заботы об их материальном благополучии. Так, в Высочайше утвержденном 18 апреля 1802 г. докладе Сената (опубликован 23 мая 1802 г.) отмечалось, что в результате упразднения в 1797 г. в некоторых российских губерниях уездов мещане и купцы небольших городов подавали прошения о переводе их в разряд государственных крестьян, аргументируя это невозможностью выплачивать установленные ранее налоги и сборы. В результате обсуждения

данного вопроса было разрешено «... по всем безудзным городам предоставить свободу живущему в оных купечеству и мещанству для выгод своих, буде пожелают, переходить и записываться... в Государственные крестьяне, как в таковое состояние, где умножением земледелия могут быть более полезными и для самих себя и для государства» (Полное собрание..., 1830, т. 27, с. 108). Следует отметить, что такая формулировка «свободы переходить и записываться» в новое «состояние» подчеркивала добровольный характер изменения социального статуса индивида. И, хотя инициатива должна была исходить не от государства, а от частных лиц, именно государство брало на себя функцию регулятора, способного учесть баланс интересов представителей различных состояний и одновременно интересы общества в целом.

Яркой иллюстрацией патерналистской установки на поддержание достаточного для исполнения всех общественных обязательств уровня благосостояния подданных, сформулированной с использованием понятия «свобода», является указ от 28 ноября 1810 г. В документе подтверждалось дарованное указом от 19 августа 1808 г. «О позволении записываться в купечество во всякое время года» право «свободного перехода» купечества из города в город. Реагируя на жалобы со стороны купечества на притеснения местных властей, которые по аналогии с законодательством о мещанах и государственных крестьянах требовали письменного разрешения купеческого общества на переход в другой город, члены Правительствующего сената признали такой порядок несоответствующим интересам ни купечества, ни государства. В данном случае было решено незамедлительно отменить сложившуюся практику истребования дополнительных разрешений на переход купцов, «...дабы не преградить дозволенной им свободы и не привести торговли их в упадок...» (Полное собрание..., 1830, т. 31, с. 463).

Во-вторых, на уровне законодательства объявление о «свободе» перемещения в социальном пространстве практически всегда сопровождалось обращением внимания на необходимость соблюдения фискальных интересов казны. Любые социальные перемещения российского подданного должны были гарантировать возможность выплаты им всех установленных законом налогов и сборов. Именно такая логика была положена в основу указа от 19 августа 1808 г., предписывавшего всем, «...кому дозволено входить в гильдии, кроме мещан и казенных поселян разного звания, предоставить полную свободу объявлять капитал и записываться в купечество во всякое время года, когда кто пожелает, с тем однакож, чтоб каждый платил процентные с объявленного капитала деньги с 1 января за полный год, в котором кто запишется» (Полное собрание..., т. 30, с. 543). Очевидно, что введение денежных выплат превентивного характера за следующий год вне зависимости от реального дохода человека, объявившего о своем желании перейти в купечество, служило своеобразной страховкой от неисполнения индивидом своих финансовых обязательств перед казной. В данном контексте следует рассматривать и особый порядок «свободы перехода» в купечество для мещан и казенных поселян: они обязаны были до декабря текущего года исполнить все повинности по своему прежнему «состоянию», а с января следующего года – выплатить установленный процент с объявленного капитала по купеческому состоянию.

Свобода в непубличной языковой практике: проекты и прошения

В текстах, изначально не предназначенных для широкой аудитории читателей, социальный контекст использования понятия «свобода» на рубеже XVIII и первой четверти XIX в. становится центральным. Такое положение объясняется функциональным назначением многочисленных проектов реформирования российской действительности и обращений частных лиц к властным структурам центрального или регионального уровня.

Одним из характерных примеров использования понятия «свобода» в социальном контексте является прошение представителей купечества первой и второй гильдии об освобождении их детей, совершивших гражданские проступки, от телесных наказаний. Этот документ поступил на рассмотрение Государственного совета, а в январе 1814 г. был перенаправлен в Комиссию составления законов. Члены комиссии отметили, что в соответствии с действующим законодательством «звание купца не есть наследственное», а следовательно, дети не обладают правами их родителей. Однако, сопоставляя аналогичные нормы в отношении личных дворян и вдов священнослужителей, они признали «...освобождение детей купцов 1 и 2 гильдии от телесного наказания правилом соответствующим и приличнейшим для Российского правительства» (РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 620. Л. 18). Более того, ими было предложено расширить круг освобождаемых и составлен проект указа Пра-

вительствующему сенату, в котором объявлялось об освобождении от телесного наказания детей именитых граждан, а также купцов первой и второй гильдии (РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 620. Л. 18). Таким образом, и в прошении купечества, и в предлагаемой формулировке решения Комиссии составления законов «свобода» трактовалась как особая привилегия для определенной социальной группы.

Более широкий спектр смысловых взаимосвязей понятия «свобода» присутствовал в проектах и прошениях, прямо или косвенно затрагивавших положение крепостных крестьян в России. Сравнительно-контекстуальный анализ некоторых из них позволяет выяснить, что подразумевали авторы под «свободой» крестьян, какой объем и какие условия ее предоставления они считали возможными в сложившихся социально-экономических обстоятельствах.

В дворянских проектах личная «свобода» крестьян – это не просто предоставление права распоряжения имуществом или перехода в другую местность, но еще и категория, подразумевающая наличие у человека комплекса важных качеств, позволяющих понимать последствия своих действий и обеспечить необходимый для жизни уровень материального благосостояния. Такие качества, по мнению авторов проектов, формируются только у «просвещенного» человека, а следовательно, объем предоставляемой свободы всегда должен соответствовать уровню «просвещения» крестьян. Именно такую взаимосвязь «свободы» и «просвещения» подчеркивал в проекте 1818 г. «Одна из мер освобождения крестьян от зависимости и с оною возбуждения народной деятельности» Н. С. Мордвинов. По его словам, «...дарование свободы тогда токмо не сопровождается никакими ощутительными неудобствами, ...когда свободными делаются не все вместе и одновременно, без воззрения на степень просвещения...; но когда благо сие представляется в виде награды трудолюбию и приобретаемому умом достатку» (РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. 16. 1826. Д. 34. Л. 2). Он предлагал освободить крестьян постепенно, по мере того как крестьянин научится бережливости и сможет накопить необходимые для компенсации помещику денежные средства.

В идеале, по мнению авторов ряда проектов, освобождение крестьян по мере их «просвещения» способствовало бы развитию российской экономики. Именно поэтому даже в проектах, авторы которых не ставили перед собой цель разработать предложения по освобождению крестьян, а главные усилия направляли на решение сугубо практических задач, предоставление «свободы» наиболее трудолюбивым и грамотным работникам рассматривалось как необходимое условие повышения рентабельности в сельском хозяйстве. Например, в записке отставного полковника барона Фридрихса «Предначертаание практической сельскохозяйственной школы» (1800 г.) было предложено создать специальное учебное заведение, которое бы готовило квалифицированных управляющих из числа как государственных, так и частновладельческих крестьян. Предполагалось, что после шестилетнего курса обучения выпускник школы обязан был работать в качестве «управителя в деревне», а через восемь лет в случае, если он заслужил положительные характеристики от собственника имения, получил бы уже «совершенную свободу» (РГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 27. Л. 14 об.). Такой механизм «просвещения» позволил бы наиболее способным государственным и частновладельческим крестьянам перейти в «свободное состояние».

Обозначенная смысловая взаимосвязь понятий «свобода» и «просвещение» подразумевала, что в условиях исторически сложившейся практики купли-продажи земли вместе с крепостными, а следовательно, признания прямой зависимости стоимости имения от количества «ревизских душ», предоставление свободы возможно только при достижении компромисса между правом крестьян на личную свободу, правом помещиков на неприкосновенность частной собственности и необходимостью обеспечения стабильного поступления сборов, пошлин и податей в государственный бюджет. Авторы проектов, среди которых были не только дворяне, сосредоточили внимание на одном из трех элементов указанной проблемы. Так, в декабре 1807 г. купец и «коммерции советник» Александр Ольхин представил на высочайшее имя проект «О дозволении крестьянам освобождать самих себя». Предлагая даровать крепостным крестьянам право выкупать «свободу» в течение года, а дворовым людям – не позднее, чем через три месяца после продажи имения (РГИА. Ф. 1260. Д. 400. Л. 73–74), он привел два аргумента. С одной стороны, таким образом крестьянам представится «...возможность на приобретение себе свободы без малейшего, впрочем, стеснения священных прав собственности» (РГИА. Ф. 1260. Д. 400. Л. 66), а с другой – у помещиков исчезнет мотивация занижать при продаже стоимость имения с целью минимизации размера государственной пошлины. В перспективе, по словам автора, «...состояние людей, известных под названием

крепостных, будет само собою неприметно уменьшаться, не касаясь собственности помещиц и прав дворянства» (РГИА. Ф. 1260. Д. 400. Л. 75).

Понятие «свобода» использовалось не только в текстах проектов, но и в частных прошениях крепостных крестьян и дворовых людей. При обращении к представителям властных структур с прошениями «об отыскании свободы от рабства», «свободы из владения» или «вольности от власти» крестьяне всегда подробно описывали свое положение и конкретные обстоятельства, которые они считали достаточным основанием для их освобождения. Не останавливаясь на рассмотрении типологии оснований, используемых для составления прошений [Тимофеев, 2015], отметим ряд смыслов, вкладываемых крепостными людьми в понятие «свобода».

Во-первых, «свобода» всегда противопоставлялась «рабству» как незаконному владению или проявлению чрезмерной жестокости помещика. Например, длительное пребывание в услужении по «верющим письмам» у лиц недворянского происхождения, которые нередко вели себя как полноценные «душевнодольцы», и не только наказывали крестьян, но и отдавали их в «услужение» другим хозяевам, отождествлялось крестьянами с «рабством». Так, 7 февраля 1816 г. крестьянин Гаврила Шебалин подал прошение, в котором утверждал, что «...от рождения состоял во владении полковницы Мильгуновой, а от нее продажен, или по закладной, находился у Пензенского купца Федора Попова в рабстве 15 лет, и оным продан княгини Шаховской крестьянину Павлу Пастухову, ...у коего находился с семейством лет восемь...» (РГИА. Ф. 1553. Оп. 1. Д. 177. Л. 5.). После многолетнего пребывания «в услужении» у лиц недворянского происхождения Г. Шебалин выказывал недовольство тем, что его и его семью передали помещику Яковкину. Проведенное губернскими властями расследование позволило установить, что помещица Мильгунова продала крестьянина коллежскому советнику Яковкину, который отдал его по «верющему письму» купцу Ф. Попову, а через несколько лет потребовал вернуть крестьян в свое имение. Таким образом, крепостных просто вернули законному владельцу. Однако с позиции крестьянина все, что произошло после продажи его помещицей Мельгуновой, свидетельствовало о пребывании его в «рабстве», а следовательно, давало ему право подать прошение об «отыскании свободы от рабства».

Во-вторых, в сознании крестьянина противоположностью «рабства» одновременно были понятия «свобода/вольность» и «законное владение». При этом для крестьян-земледельцев «свобода/вольность» означала не обязательно переход в другое «состояние», а лишь отсутствие мелочного контроля со стороны помещика. Крепостные же, находящиеся на положении «дворовых людей», особенно те из них, кто длительное время проживали в городах, отождествляли «свободу» с предоставлением личной независимости и возможности уйти от помещика.

* * *

Слово «свобода» в России на рубеже XVIII и XIX вв. становится важным элементом социально-политического лексикона. На фоне провозглашенного императором Александром I курса на «восстановление силы закона» одни российские подданные в соответствии со своими представлениями о долге «истинного гражданина» стремились донести до верховной власти предложения по решению актуальных социально-экономических вопросов, а другие – подавали прошения о даровании особых прав, улучшении материального положения или избавления от крепостной зависимости. И в первом, и во втором случае понятие «свобода» используется как важный инструмент усиления эмоциональной окрашенности текста и отстаивания интересов своей социальной страты. Особенно четко подобная инструментализация понятия «свобода» просматривается в проектах и прошениях, затрагивавших вопрос о расширении прав и привилегий для представителей определенной социальной группы, а также о необходимости улучшения положения крепостных крестьян в России.

Сравнительный анализ используемых исторических источников показал, что и в текстах, предназначенных для широкой аудитории, и в частных прошениях и проектах концепт «свобода» не был абстрактной категорией, а имел вполне реальные очертания и связи с российской действительностью. Даже в учебных пособиях, призванных познакомить подрастающее поколение с положениями теории «естественного права», личная свобода преподносилась, с одной стороны, как явление неотчуждаемое, связанное с природной сущностью человека, а с другой – как категория условная, содержание которой непосредственно связано с принадлежностью индивида к определенной социальной группе. С позиции авторов исследуемых текстов наиболее значимые маркеры принадлежности человека к «свободному состоянию» – «собственность», «степень просвещения»,

возможность изменить место жительства и самостоятельно принимать важные решения для достижения повседневных целей.

Все эти позитивные по своей направленности коннотации формировали особое отношение к «свободе», которая воспринималась в качестве важного социального ориентира. Стремление к свободе вне зависимости от форм ее проявления (расширение права торговли, освобождение от телесных наказаний или каких-либо дополнительных сборов и повинностей и т.п.) становилось понятным для представителей разных сословий российского общества. При этом стремление к расширению границ личной или групповой свободы не означало нацеленности на ее достижение всеми возможными способами. Большинство российских подданных ожидали дарование свободы от представителей местных властей или государя. В дальнейшем такой патерналистский взгляд на свободу окажет заметное влияние на развитие общественной мысли России всего XIX вв.

Примечания

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-31-00007.

² Понятие «состояние» в первой четверти XIX в. было, по сути, синонимом значения понятия «сословие» в более позднем. В. Вельяминов-Зернов приводит следующее его определение: «Состояние есть такое положение человека, с которым законы соединяют различные права и обязанности, кои никакая частная власть не может переменить, хотя таковое положение само по себе и зависит по большей части от нашего произвола» (Вельяминов-Зернов, 1821, с. 41).

³ Конечно, понятие «свобода» встречается в законодательных актах, регулирующих не только внутригрупповую и межгрупповую социальную мобильность, но в настоящей статье внимание сконцентрировано именно на социальном контексте использования данного концепта.

Список источников

- Вельяминов-Зернов В.* Опыт начертания российского частного гражданского права. СПб., 1821. Ч. 1.
Кукольник В.Г. Российское частное гражданское право. Ч. 1: Изложение законов по предметам частного гражданского права, лицам, вещам и деяниям. СПб., 1815.
Куницын А. П. Право естественное. СПб., 1818. Ч. 1.
Начертание статистики российского государства, составленное главным педагогического института адъюнкт-профессором Константином Арсеньевым. Ч. 2: О состоянии правительства. СПб., 1819.
Полное собрание законов российской империи, с 1649 г. СПб., 1830. Т. 27, 18 апреля 1802, № 20.235; Т. 30, 19 августа 1808, № 23240; Т. 31, 28 ноября 1810, № 24.441.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 14. Оп. 1. Д. 27; Ф. 1167. Оп. 1. Т. 26, 1826. Д. 34; Ф.1260. Оп. 1. Д. 400, 620; Ф. 1553. Оп. 1. Д. 177.

Библиографический список

- Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX вв.: сб. науч. работ. СПб., 2006.
Козеллек Р. Введение (Einleitung) // Словарь основных исторических понятий: избр. ст. в 2 т. / пер с нем. М., 2014. Т. 1.
Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010.
Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX вв. СПб., 2006.
Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М., 2009.
Понятие государства в четырех языках. М.; СПб., 2002.
«Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. 1–2.
Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // Нов. лит. обозрение. 2004. №66.
Skinner Q. Language and Political Change // Political Innovation and Conceptual Change. Cambridge, 1989.
Тимофеев Д. В. «...Чтоб не были закрыты никому пути перехода из одного состояния в другое»: законодательство и практика социальных взаимодействий в России первой четверти XIX в. // Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв. Екатеринбург, 2014.

Тимофеев Д.В. «Свобода» и «рабство» в крестьянских прошениях первой четверти XIX в. // Вопр. истории. 2015. № 7.

Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М., 2012.

Дата поступления рукописи в редакцию 23.08.2016

APPLYING OF THE CONCEPT OF “FREEDOM” IN RUSSIA OF THE EARLY 19TH CENTURY

D. V. Timofeev

Institute of History and Archaeology, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, S. Kovalevskoy str., 16, 620990, Yekaterinburg, Russia
dmitrtim@yandex.ru

The paper presents a brief analysis of the main provisions of the Anglo-Saxon and German («Begriffsgeschichte») direction of modern methodology called the history of concepts. Based on it, the research model of studying history of social thought in Russia of the late 18th – early 19th centuries is presented. The history of concepts is considered as a special method of work with historical sources allowing to reconstruct evolution of public consciousness and the related changes in political, social, economic, and spiritual spheres. The basis of a research is made by the two complexes of historical sources: 1) the texts created in public communication (laws, textbooks, magazines, and dictionaries); 2) nonpublic texts addressed to certain personnel (personal letters, projects, reports, applications). The author compares the main and additional connotations of the concept of “freedom” used by the Russian authors of the first third of the 19th century to address the most pressing issues of intra- and interclass interactions. The comparative analysis of historical sources shows that the concept of “freedom” was not an abstract category, had a relationship with the Russian reality and was used to achieve particularly utilitarian purposes. But the desire to extend the limits of personal or group freedom did not mean aiming at its achievement in all possible ways. Most Russian citizens expected talent of freedom from representatives of local authorities or the sovereign.

Key words: history of concepts, history of public thought, history of Russia in the first quarter of the 19th century, problem-comparative analysis, comparative contextual analysis, concept of “freedom”.

References

- «Ponyatiya o Rossii»: k istoricheskoy semantike imperskogo perioda. M., 2012. T. 1–2.
Evolyutsiya ponyatij v svete istorii russkoy kul'tury. M., 2012.
Istoricheskie ponyatiya i politicheskie idei v Rossii XVI–XhKh vv.: sb. nauch. rabot. SPb., 2006.
Kozellek R. K voprosu o temporal'nykh strukturakh v istoricheskom razvitii ponyatij // Istoriya ponyatij, istoriya diskursa, istoriya metafor. M., 2010.
Kozellek R. Sotsial'naya istoriya i istoriya ponyatij // Istoricheskie ponyatiya i politicheskie idei v Rossii XVI–XX v. SPb., 2006.
Kozellek R. Vvedenie (Einleitung) // Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatij: izbr. st. v 2 t. / per s nem. M., 2014. T. 1.
Ocherki istoricheskoy semantiki russkogo yazyka rannego Novogo vremeni. M., 2009.
Ponyatie gosudarstva v chetyrekh yazykakh. M.; SPb., 2002.
Skinner K. Kollingvudovskiy podkhod k istorii politicheskoy mysli: stanovlenie, vyzov, perspektivy // Nov. lit. obozrenie. 2004. №66.
Skinner Q. Language and Political Change // Political Innovation and Conceptual Change. Cambridge, 1989.
Timofeev D. V. «...Chtob ne byli zakryty nikomu puti perekhoda iz odnogo sostoyaniya v drugoe»: zakonodatel'stvo i praktika sotsial'nykh vzaimodeystviy v Rossii pervoy chetverti XIX v. // Granitsy i markery sotsial'noy stratifikatsii v Rossii XVII–XX vv. Ekaterinburg, 2014.
Timofeev D.V. «Svoboda» i «rabstvo» v krest'yanskikh prosheniyaх pervoy chetverti XIX v. // Vopr. istorii. 2015. № 7.